

Теории роста и реалии последних десятилетий

(Вопросы социокультурных кодов —
к расширению исследовательской программы)*

Л. М. Григорьев, М.-Я. Я. Майхрович

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)*

Данная работа нацелена на изучение институциональных подходов к теориям экономического роста и затрагивает влияние социокультурных кодов на развитие мировой экономики. В представленном исследовании сравниваются темпы экономического роста и прироста при учете различных классификаций стран по А. Мэддисону, Р. Инглхарту и на основе кластерного подхода. Предлагается перейти от дихотомии и изучения «развитых—развивающихся стран» на больших временных периодах, используемых в работах Мэддисона, к исследованию подгрупп государств с учетом кластерного анализа на более коротком периоде — 1992–2019 гг. С помощью кластеризации получен вывод, что группа наиболее развитых стран сохраняет преимущество в уровне развития, но не демонстрирует темпы роста выше «догоняющих» групп. Таким образом, конвергенции уровней развития стран фактически не происходит. В работе показано, что дезагрегированный анализ роста по кластерам создает новые возможности для дальнейшей разработки исследовательской программы.

Ключевые слова: экономический рост, социокультурные коды, Инглхарт, Вельцель.

JEL: A13, C43, E14, F63.

Григорьев Леонид Маркович (lgrigor1@yandex.ru), к. э. н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики (ФМЭиМП) НИУ ВШЭ; *Майхрович Мария-Яна Ярославовна* (maria-yana02@mail.ru), стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата ФМЭиМП НИУ ВШЭ.

* Авторы искренне признательны д. э. н., проф. МГУ А. Е. Шаститко за чрезвычайно полезные и содержательные замечания, высказанные при подготовке данной работы.

Введение

В последние десятилетия достигнут заметный прогресс в объяснении причин экономического роста и развития на основе концепции институтов. Выделим прежде всего труды Д. Норта с соавторами, в частности «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» (Норт, 1997). В работе «Насилие и социальные порядки» (Норт и др., 2011. С. 55) предлагается опорное определение: «Современное социальное развитие связано с *одновременным* совершенствованием человеческого капитала, физического капитала, технологии и институтов» (курсив наш. — Л. Г., М.-Я. М.). Помимо Норта, существенный вклад в анализ влияния институтов на долгосрочный экономический рост внесли Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Д. А. Робинсон (Acemoglu et al., 2005; Аджемоглу, Робинсон, 2015, 2019). В последней работе (Аджемоглу, Робинсон, 2019) скованный Левиафан прочно ассоциируется с узким, скользким и труднодоступным коридором процветания (Шаститко, 2020а). Л. Зингалес и Р. Раджан посвятили свою книгу проблеме эволюции и перестройки институтов в связи с изменением экономических реалий (Зингалес, Раджан, 2004).

Проблемы определения и применения социокультурных кодов (СКК) стали шире обсуждаться в современных исследованиях экономического развития стран. Введение в анализ факторов культуры, религии (преимущества протестантизма в Европе в прошлые века и т. п.) восходит к М. Веберу (1990). Традиция изучать воздействие культуры и социопсихологических факторов на экономический рост опирается на работу Р. Инглхарта и К. Вельцеля (2011). Теоретическая дискуссия о соотношении роли институтов, государства, социокультурных показателей идет плодотворно, поэтому полноценный обзор литературы по данной теме потребовал бы еще не одну статью или рецензию (см.: Шаститко, 2020а).

Предлагаемый в данной работе подход не является экспериментом по упорядочиванию экономической теории о влиянии социопсихологических показателей на экономику стран — мы рекомендуем в разгар дискуссии задуматься над тем, все ли ясно со стилизованными фактами. Важно, чтобы факты в базисе теорий охватывали не только интересные кейсы, страны и периоды прошлого. Нам представляется, что ведущие гипотезы различных теорий можно было бы проверить на современном материале, под которым по умолчанию мы имеем в виду период 1992–2019 гг. — после распада социалистической системы и до пандемии и наблюдающегося перелома глобализации и глобального управления.

Для обсуждения положения СКК и институтов в новых экономических реалиях и их воздействия на ход мирового развития надо уточнить наше понимание ключевых терминов. Мы понимаем институты в традиционной формулировке: правила игры, формы взаимодействия, которые управляют отношениями индивидов и включают формальные правила, писанные законы, формальные социальные конвенции и неформальные нормы поведения, а также средства, с помощью которых правила и нормы получают свою практическую реализацию (Норт и др., 2011).

Мы знаем немало об СКК: это национальные факторы, которые сказываются на жизни людей, общин и обществ. Они влияют на действующие институты, их выбор и функционирование, особенно в случае предполагаемой гармонии (ускорение развития) или дисгармонии с ними (торможение). Но у этих факторов отсутствуют понятные передаточные механизмы принуждения или воздействия на институциональные формы. Социокультурные коды формируются устойчивыми (длительными) обстоятельствами жизни нации и закрепляются формальными и неформальными институтами. В этом плане приходится считаться с наличием второго определения институтов в работе Норта с соавторами (Норт и др., 2011. С. 58–59): «Институты — это „правила игры“... которые включают социальные соглашения, неформальные нормы поведения, а также *разделяемые убеждения о мире* и средства принуждения к исполнению этих правил и норм» (курсив наш. — Л. Г., М.-Я. М.).

Можно допустить двусторонний характер связи институтов и СКК. Изменения формальных институтов и, следовательно, образа жизни, как и крупные исторические события и потрясения, могут вести к постепенной трансформации СКК, особенно при длительном укреплении механизмов принуждения. Но социокультурные факторы обладают не только устойчивостью, но и способностью возрождаться при определенных обстоятельствах, особенно если они когда-то были основой формирования последних.

Еще одна проблема — характер воздействия СКК на функционирование, изменение, а также выбор институтов. Для целей данной работы достаточно сказать: социокультурные факторы живут дольше институтов. Они поддерживаются элитами, образованными слоями и «широкими массами» сходным, но не одинаковым образом и не исчезают мгновенно в случае институциональных и экономических шоков.

Влияние СКК на текущее развитие может проявляться обратно пропорционально квадрату времени (удаление от нынешнего момента; счет по поколениям), отражая интенсивность воздействия текущих изменений. Социокультурные коды могут или поддерживать экономическое развитие через институты, или сдерживать их эволюцию для обеспечения роста, решения социально-экономических проблем, консервируя те или иные аспекты общественной жизни.

Несмотря на растущее внимание к роли институтов и социокультурных кодов в экономической жизни, исследовательские программы многих групп ученых-экономистов остаются отчасти изолированными или отдаленными друг от друга: здесь скорее действует «оппортунистическое» желание исследователей углубить изучение и достичь результатов в своей области, чем искать способы обмена научными идеями в ходе сотрудничества между академическими направлениями (иногда в группах внутри направления). Например, логика развития науки (см.: Тутов, Шаститко, 2021. С. 103–104) указывает на несколько вариантов сосуществования исследовательских программ: «игнорирование друг друга»; «одностороннее» и т. д.

В теориях экономического развития одна группа ученых ищет эффекты конвергенции (Solow, 1956): быстрые темпы в менее разви-

тых странах, обеспечивающие сокращение межстранового неравенства. Другая группа работает над проблемой ловушки (или мифа?): замедлением темпов роста по достижении определенного среднего уровня развития. Институционалисты доказывают (бесспорную) значимость эффективных институтов для развития и устойчивого роста. Другими словами, институциональная теория ищет «остаток» уравнения роста, не объясненный другими традиционными факторами, а социокультурный подход — «культурный остаток».

В 2015 г. большинство стран — членов ООН одобрили «Цели устойчивого развития» (ЦУР) (ООН, 2015). Отметим, что цель № 10 ЦУР ООН о сближении уровней развития стран выглядит прикладным применением теоремы Р. Солоу, которое правительствам следует поддержать в своих планах. Однако количественно конкретные цели и величина желательных параметров сближения не установлены, то есть неясно, как именно будут достигнуты одновременно и общий прогресс, и сохранение климата планеты, и победа над бедностью, и сокращение межстранового и социального неравенства.

Кроме того, признаны провалы Бреттон-Вудских институтов в решении проблемы бедности (Истерли, 2006), за исключением таких стран, как Китай и Индия, которым удалось за счет собственных экстраординарных усилий сократить абсолютную бедность. Бреттон-Вудские институты сумели достичь (до 2021 г.) определенных успехов в поддержании финансовой стабильности и в борьбе с инфляцией, но в плане снижения уровня относительной бедности в мире и неравенства в целом результаты довольно скромные. К тому же среднеразвитыми странами догоняющего развития они занимались не так активно.

В области изучения связи социокультурных кодов и теорий экономического роста можно говорить о том, что фактическая ситуация здесь такова: это или «игнорирование» друг друга, или «одностороннее» (влияние СКК на экономический рост) доказательство значимости кодов для развития, обычно в долгосрочном плане (Тутов, Шаститко, 2021). Заметим, что слабое взаимодействие в научной дискуссии обычно отражает небольшие масштабы сотрудничества участников различных исследовательских программ.

Программа изучения мировых проблем с учетом роли социокультурных факторов могла бы рассматривать ключевые вопросы развития интегрированно и сблизить научные дискурсы с помощью более детального анализа стилизованных фактов. Последние должны обосновать совместимость (точнее, противоречие) конвергенции по Солоу в теории экономического роста и предполагаемого постоянного преобладания темпов роста стран траектории А относительно стран траектории Б в социокультурном подходе (Аузан, 2015; Maddison, 2006). Конвергенция, как реальное сближение уровней развития стран по абсолютным значениям или как тенденция к нему, может восприниматься в качестве однозначной цели. Однако большинство эконометрических работ рассматривают ее как относительное сближение уровней развития стран во времени. Тут и возникает конфликт между двумя подходами: по Солоу, развивающиеся страны должны расти быстрее развитых, а согласно социокультурному подходу — наоборот.

Социокультурные коды должны быть связаны с институциональным подходом. Они существуют долгое время, оказывая продолжительное влияние на институты. При этом коды не имеют явных рычагов давления (кроме честно проведенных референдумов) и не принадлежат множеству институтов. Наряду с этим действия институтов в условиях подъемов или кризисов и под влиянием сильных макроэкономических шоков также способны изменить социокультурные факторы: «Социально-экономическое развитие ведет к предсказуемым культурным и политическим изменениям, а коллапс экономики порождает изменения в противоположном направлении» (Инглхарт, Вельцель, 2011. С. 39). Наконец, некоторые их элементы, связанные с национализмом, религией и восприятием истории, могут возрождаться при определенных условиях, в частности в силу политических конфликтов внутри стран и между ними.

Роль социокультурных кодов

СКК постепенно изменяются во времени, но остается неясным, кто выступает носителем тех или иных норм: преимущественно социальные слои, элементы гражданского общества или социализированные индивиды — «социализированные взрослые» или «несовершенно социализированные» (Шаститко, 2020b. С. 128). При исследовании факторов, которые влияют на экономический рост, с применением социологических подходов разумно оперировать не целой нацией, а образованными слоями, элитами, массовыми группами, национальными меньшинствами. Важно понять, как социокультурные коды передаются во времени: через систему образования и воспитания, включая институты с массовым доступом к молодежи, такие как школы, университеты (монастыри, армии и тюрьмы), через реалии семейной жизни (особенно применительно к неформальным ценностям и установкам), через внешние условия существования (периоды процветания, катастрофы и войны)? Ключевой вопрос здесь о направлении воздействия: экономические изменения влияют на культурные перемены в обществе или культурные перемены вызывают экономические последствия? Согласно Инглхарту и Вельцелю (2011), сначала происходят социально-экономические изменения в обществе, которые дают толчок культурному и политическому развитию.

Промышленная революция спровоцировала индустриализацию и отход части европейцев от традиционных ценностей и потребности в религии в пользу принятия секулярно-рациональных ценностей (вертикальная модернизация). На втором этапе модернизации, когда люди обретали все больше прав и свобод в результате «эмансипации от власти», сформировалась новая шкала ценностей: от выживания к самовыражению (горизонтальная модернизация). Главным результатом перемен в культуре стал расцвет демократии (Инглхарт, Вельцель, 2011). Нам кажется, что изменения в политических институтах могут привести к существенным сдвигам в социальной жизни в средне- или долгосрочном плане. Но не вполне ясно, как часто происходят такие

сдвиги и насколько они предсказуемы и устойчивы, если не подкреплены сдвигами в социально-экономической сфере (например, в распределении собственности). Однако анализ этих проблем выходит за рамки данной работы.

Существует мнение, что культура способна повлиять на экономическое развитие, особенно через формальные и неформальные институты, однако ее роль не определяющая, она выступает лишь одним из его факторов: «Действительно, культура устойчива, но она сама находится под влиянием законов, политических режимов, тех или иных изменений. Поэтому это скорее фактор влияния, чем детерминирование» (Аузан, Никишина, 2021. С. 18). В. Тамбовцев (2015. С. 86) пишет, что «культура *влияет* на экономику, но *не предопределяет* ее характер». По его мнению, «концепция КК [культурных кодов] — это разновидность концепций культурного детерминизма, в практическом плане означающая бессмысленность попыток изменить *status quo*, пойти „против своего культурного кода“» (Тамбовцев, 2015. С. 92). Как нам представляется, действующая в каждую эпоху система СКК выступает результатом длительного развития и, в частности, периодов формирования под влиянием драматических событий в истории страны. Но это не означает фатальной предопределенности траектории ее развития.

Инглхарт и Вельцель (2011. С. 33) считают, что «технические инновации и социально-экономическое развитие ведут к предсказуемым последствиям в сфере культуры и политики». Мы полагаем, что если исходить из абсолютной неизменности кодов, приобретенных тем или иным обществом в различные периоды своего развития, то история стран стала бы одномерной. Нам представляется логичным воздействие культуры на экономику в ходе длительных периодов — при сложившихся СКК. Но это не объясняет процесс формирования новых факторов, изменений в «структуре культурного и социального капитала» — тут действуют современные для того или иного периода институты. Как отмечает А. Шаститко (2022. С. 149), Т. Эггертссон поднимает вопрос об отсутствии социальных институтов в развивающихся странах и утверждает, что ограниченные институты из-за сформировавшихся правил и механизмов принуждения «отражают „нетранспортабельность“ социальных технологий». Мы имеем дело с двумя разными по механизмам и, видимо, длительности процессами: накоплением социального капитала и его использованием. Существенные сдвиги в социокультурных кодах могут быть связаны с революциями, глубокими и длительными кризисами, а воздействие сложившегося капитала на рост может реализовываться на протяжении поколения или дольше.

Проблема зависимости от траектории предшествующего развития: эволюция гипотез

Институциональная инерция зависит от интенсивности воздействия кодов на экономическую жизнь и от длительности сохранения в них прежних перемен (в условиях шоков) и способов их передачи.

Нам представляется, что смысл термина «эффект колеи» заметно отличается от понятия длительной зависимости от траектории предшествующего развития (path dependency), придавая процессу излишнюю и «одномерно глубокую» жесткость, а в случае России даже обрекает на фатализм. Думаем, «глубину» колеи стоило бы заменить на ее «мощность» (степень устойчивости и влияния на институты и жизнь), чтобы подчеркнуть не столько фатальную предопределенность в развитии страны, сколько степень и силу отдаленных критически значимых событий и периодов в истории, которые сформировали тип и содержание СКК для конкретной страны.

Предполагается, что эффект колеи наблюдается, когда страны со слабыми институтами совершают резкий экономический подъем, но не могут поддерживать устойчивый рост на длительных периодах (Arthur, 1989). Именно в этом смысл известной шутки: в России все (институты) можно поменять за 30 лет, но ничего (коды) за 300. Заметим, однако, что без выхода из предыдущего (скажем, кризисного или застойного) состояния трудно представить переход на другую траекторию. Институты, как правило, не рождаются в идеальном для применения состоянии и не вводятся «за ночь», а реформируются в ходе сложного реального развития (Шаститко, 2022).

Существенную роль в дискурсе СКК играет пример, построенный на рассмотрении двух траекторий и двух групп стран, А и Б, которые иллюстрируют развитие богатых и бедных стран. Траектория А у А. Мэддисона охватывает только 21 страну (Приложение 2): за период 1820–1998 гг. в странах траектории А средний темп роста ВВП на душу населения составил 1,67%, а Б — только 0,95% (Maddison, 2006. P. 30). «К 1820 г. страны группы А вышли на уровень, вдвое превышающий уровень остального мира, и к 1998 г. разрыв составил почти 7:1» (Maddison, 2006. P. 29; перевод наш. — Л. Г., М.-Я. М.). В XX в. только пять стран смогли сменить траекторию Б на А: Япония, Сингапур, Южная Корея, Гонконг и Тайвань (Аузан, 2015). У них много общего: принадлежность к «конфуцианской» группе по Инглхарту; американский военный «зонтик» (длительное время) и относительно низкие политические издержки развития; иностранные инвестиции; близость к океану и доступ к рынкам и т. п. Переход с одной траектории на другую связан с разработкой новых институтов, их устойчивостью на протяжении длительного периода.

Разнообразие сочетаний внешних условий и факторов роста в истории огромно. «Институты, как и стандарты, определяют выбор траектории, а „устойчивой колеей“ ее делает культура — *пример Северная и Южная Корея*» (Аузан, 2015. С. 8; курсив наш. — Л. Г., М.-Я. М.). На наш взгляд, различия двух корейских государств — не слишком удачный пример. «Ни культура, ни география, ни разница в образовании не могут объяснить расходящиеся все дальше траектории развития двух Корей. Мы должны изучить институты этих стран, чтобы найти ключ» (Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 107). Институты в двух странах формировались в течение длительного времени независимо друг от друга, в результате возникла их историческая и экономическая несхожесть. Более того, Корейская война (снабжение армии США),

ресурсы, извне вложенные в Южную Корею, способствовали выходу страны из бедности. По итогам этой войны политические различия, навязанные «историей» двум странам, оказались столь велики, что временно сделали невидимым единое «ядро» корейского (или конфуцианского) культурного кода.

С годами становится все актуальнее предложенная Нортом с авторами идея: развитие характерно для сильной группы стран в течение относительно недавнего периода, тогда как остальные еще не используют институты, обеспечивающие быстрый рост (Норт и др., 2011). Разрыв между траекториями стран может быть связан с наличием определенных институтов, их качеством, а также с социальными и культурными факторами. Но отметим, что дело не в религиозных убеждениях, а в поведенческой установке, которая обуславливает межстрановые различия.

Анализ экономического роста в 1880–1913 гг. указывает на заметное опережение Великобританией и затем США своих европейских конкурентов. Институты в США фактически формировались протестантами из Англии и Голландии, но в дальнейшем в США прибыла масса переселенцев из католических стран (Франция, Германия, Италия, Польша), которые адаптировались к действующим институтам. Кроме того, два лидера имели свои факторы развития — именно они позволяли им расти быстрее, чем конкурентам, явным или потенциальным. Перед Первой мировой войной более рыночную Великобританию стала догонять кайзеровская Германия, где большую роль играло государство, широко использовалось социальное страхование и т. п. Для США были важны открытые пространства, огромные ресурсы и низкие транзакционные издержки развития: «маленькое государство» и налоги, небольшая армия, отсутствие «феодалных пережитков» в отношениях собственности (Григорьев, Морозкина, 2021).

Примером экономического разрыва стран на фоне изменения социокультурных факторов могут служить Испания и Англия: обе страны в XVI в. считались могущественными и экономически схожими, но в конкуренции с Испанией Англия, Франция и Голландия формировали концепции естественного государства, в результате к XIX в. Англии удалось сохранить превосходство в мире, а Испания его утратила (Норт, 1997). Норт и Б. Вайнгаст объясняют это институциональным выбором концепций базисного или зрелого государства. Во-первых, в Англии, которая, по мнению авторов, восходит к зрелому естественному государству, налоги контролировались на уровне парламента, а в Испании — базисное государство — королем (Норт, 1997). Английский парламент оставлял налоги примерно на одном уровне, а испанская королевская семья их постоянно увеличивала для содержания армии и флота (Норт, 1997; North, Weingast, 1989). Во-вторых, английское земельное право, основанное на концепции естественного государства, формировало равномерное распределение колониальных территорий в Новом свете, а испанское и португальское — неравномерное (Норт, 1997).

На наш взгляд, приведенное объяснение важно, но этот случай относится к странам с исходными существенными различиями, в которых социокультурные эффекты нуждаются в сложном учете институтов и ресурсов развития. Например, у этих стран были разные типы колоний и исторические предпосылки: это реконкиста и католичес-

кое доминирование в мире у Испании против «островного» источника всемирного колониализма у Великобритании. Провал в развитии Испании был связан с военно-политическим крахом при резком сокращении огромной колониальной ренты еще в XVIII в. В то же время колониальная рента в Англии тогда начала быстро расти (от Индии). Значимые внешние факторы следует учитывать, хотя они не отменяют превосходство английских буржуазных институтов по сравнению с феодальными в Испании. Также отметим отсутствие войн на территории Великобритании с XVII в.

Передается ли эффект зависимости от траектории предшествующего развития от страны к стране? В начале XX в. уровни экономического развития Аргентины и США были близки, но уже в середине века первая стала значительно отставать (Астапович, Григорьев, 2021). Есть предположение, что ошибочный институциональный выбор в Испании создал там ценности и идеи, которые передались через культуру и поведение на территорию Латинской Америки (Аузан, Никишина, 2021. С. 112). Полагаем, что это слишком сильное утверждение. Аргентина лидировала по аграрному экспорту вместе с Россией до Первой мировой войны и опережала США. Ее относительное отставание между мировыми войнами могло быть вызвано ускоренным ростом США в 1920-е годы и падением продовольственных цен на мировых рынках. Только перонизм в 1950-е годы остановил развитие страны.

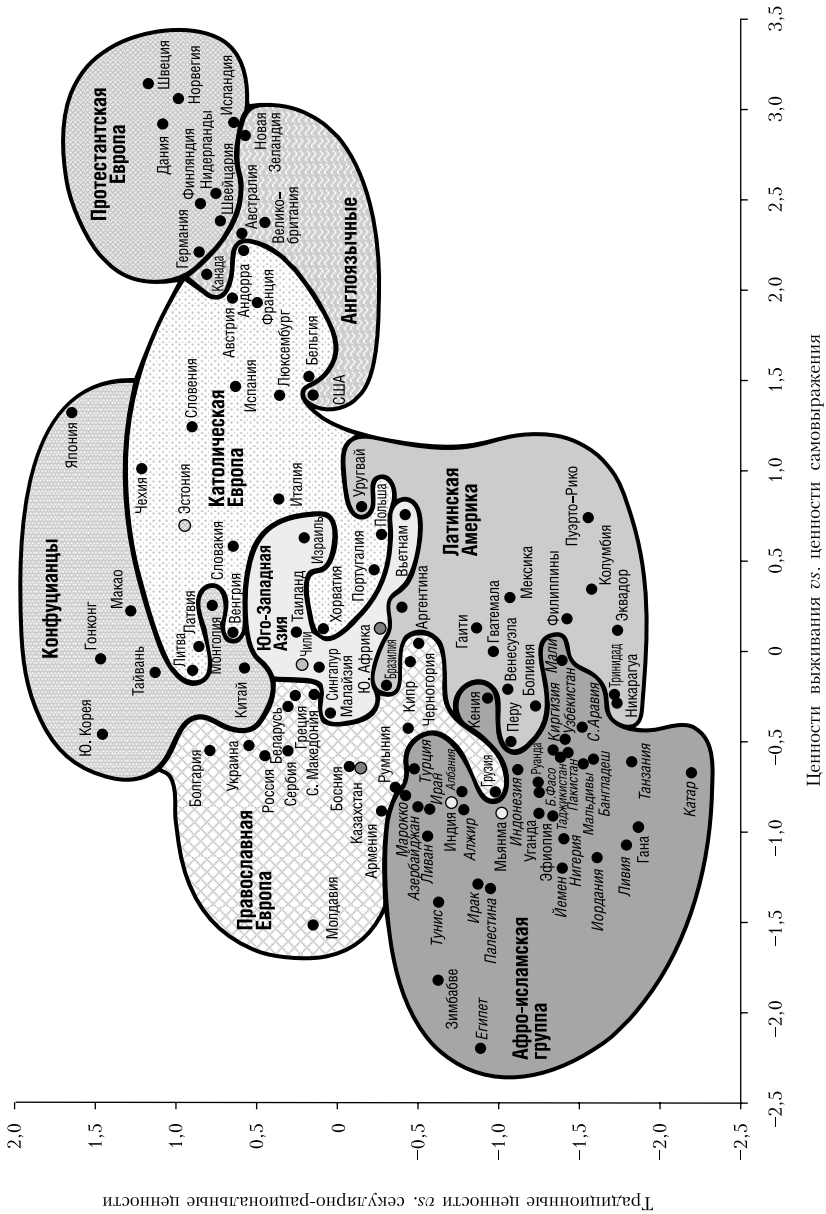
Карты Инглхарта и Вельцеля

Исследование Инглхарта и Вельцеля (World Values Survey, 2022) признано фундаментальной работой по изучению социокультурных факторов, определяющих социально-экономическое положение стран. Карта Инглхарта–Вельцеля (см. рисунок) представляет собой двумерное измерение ценностей стран в течение семи волн — с 1981 до 2022 г. на базе проводимых опросов. При ее построении авторы ориентировались на теорию двухэтапной модернизации (индустриальной и постиндустриальной) как основную теорию социально-экономического развития цивилизаций (Инглхарт, Вельцель, 2011).

Из теории модернизации следует, что социально-экономическое развитие (наука, экономика, глобализация) вызывает предсказуемые изменения в сфере культуры, а следовательно, человеческих ценностей в обществе. «Изменение ценностей ведет к пересмотру религиозных убеждений и трудовой мотивации, влияет на уровень рождаемости, гендерные роли, что, в свою очередь, порождает в обществе требования, связанные с демократизацией институтов и повышением „отзывчивости“ элит» (Инглхарт, Вельцель, 2011. С. 11). В результате люди с высокими ценностями свободы и самовыражения начинают уделять больше внимания самореализации, создавая новые технологические продукты, тем самым ускоряя экономический рост с помощью изобретений на основе более высокого качества образования.

Фактически карта показывает движение (с «Юго-Запада» на «Северо-Восток») от «традиции и выживания» к «секуляризму и само-

Культурная карта мира Инглхарта—Вельцеля, 2020 г.



Источник: World Values Survey, 2022.

Примечание. Курсивом выделены страны, где большинство населения составляют мусульмане. Три группы на карте — англоязычные, католики и протестанты — преимущественно составляют первый кластер в таблицах 3–4 ниже. Горизонтальная и вертикальная оси иллюстрируют поляризацию противоположных ценностей. Отрицательные значения на оси абсцисс и ординат отражают ценности выживания и традиционные ценности, соответственно положительные значения — ценности самовыражения и секулярно-рациональные. Числовые значения были получены авторами карт и переведены в обычные координаты в ходе многоэтапного факторного и корреляционного анализа.

Рис.

выражению» или, другими словами, в сторону общества открытого доступа. Отметим, что отрыв стран траектории А (первого кластера в наших расчетах ниже), преимущественно с европейским христианским прошлым, свободных от колониализма, формировался до Первой мировой войны. Интересно, что произошло раньше: страны изменили свои ценности (например, на фоне внешних шоков) в силу отрыва или они всегда были им присущи? Таким образом, важно выяснить причины не столько этого отрыва, сколько неудач большой группы стран, которые не смогли «оторваться» от остального человечества в составе «отряда самовыражения».

Возможность конвергенции по Солоу (если не абсолютной, то хотя бы быстрой относительной) связана, видимо, с периодом после Второй мировой войны. Применительно к нему следует отдельно определять социокультурное влияние на развитие как системный фактор. Фактически с учетом социальных параметров мы имеем дело с трехмерной картой, где третий параметр указывает на более высокий уровень развития групп англоязычных, протестантов, католиков.

Рост в группах Инглхарта и в траекториях Мэддисона

В XX в. только нескольким странам удалось создать соответствующие институты и перейти на траекторию А (Maddison, 2006). Известный тезис: «Многолетняя скорость стран траектории А существенно выше, чем скорость стран траектории В» (Аузан, 2015. С. 5) нуждается в проверке. Важно рассмотреть проблему неравномерности роста не только в отдаленном прошлом и на длинном временном промежутке 1820–1998/2008 гг., как в исследованиях Мэддисона и Аузана, но и учесть более поздний короткий период.

Отметим загадку «ловушки среднего уровня развития» (Felipe et al., 2017). Что мешает остальным странам поддерживать высокие темпы роста и перестраивать институты для преодоления социальных барьеров (Григорьев, Стародубцева, 2021)? Но эта ловушка отражает существенно менее длительный эффект, наблюдаемый в диапазоне 10–15 тыс. долл. ВВП на душу населения, а также — подчеркнем — после периодов быстрого экономического роста.

Опыт прошлого важен для понимания истории вопроса и причин разрыва между странами в уровнях благосостояния. Вместе с тем параметры развития в современный период имеют большое значение для исследователей. Группа стран траектории А (Приложение 2) образует преимущественно первый кластер (по нашей классификации; см. табл. 3–4). Уточним один существенный факт их истории — эти страны не были колонизированы в XIX в. В их числе есть несколько азиатских стран, развитие которых было задержано европейцами или соседями. По имеющимся данным, заметный отрыв стран траектории А (первого кластера) от ведущих развивающихся стран (многие из них были колониями) сложился еще в XIX в., до Первой мировой войны, а потом воспроизводился вплоть до 1950–1960-х годов и об-

ретения ими независимости (Григорьев, Морозкина, 2021). В начале XX в. в ключевых странах траектории А сформировались общественные и демократические институты, способствовавшие экономическому росту, уважению закона и частной собственности. Это дало старт переходу к порядку открытого доступа.

В своей работе 2005 г. Аджемоглу с соавторами затронули проблему «поворота судьбы» развивающихся стран (Acemoglu et al., 2005). Согласно их подходу, европейские метрополии внедрили более качественные институты в странах с малой плотностью населения и в более бедных государствах. Иными словами, в колониях, куда переселялись европейцы и занимали свободное пространство, возникли более эффективные институты, чем в богатых метрополиях, которые были источником роста благосостояния в колониальную эпоху (Acemoglu et al., 2005. Р. 407–420). Для нас важны не столько причины такого развития институтов в колониях, сколько то, что как последние, так и развивающиеся страны в целом не смогли до сих пор преодолеть разрыв, возникший много лет назад. Соответственно им только предстоит пройти определенные этапы формирования физической и образовательной, институциональной и социокультурной инфраструктуры, хотя вряд ли это будет буквальным повторением опыта передовых стран в силу глубоких изменений в процессах технологического развития, финансирования и проч.

В таблице 1 показано соотношение уровней развития ряда стран в 1913 и 2020 гг. Разрыв в подушевом ВВП между ведущими странами тогда и спустя столетие в целом сохранился. Это результат действия политических, экономических и социокультурных факторов прошедшего века. Но быстрый прогресс технологий и институтов в развитых странах соседствовал с огромным отставанием большей части человечества.

Разрыв по показателю ВВП на душу населения между ключевыми метрополиями из числа стран траектории А и колониями в 1913 г. был велик: между Великобританией и Индией он достигал почти шести раз, а между Бельгией и Конго превышал семь раз. В 2020 г. он составил

Т а б л и ц а 1

Размер ВВП крупнейших колониальных европейских держав и крупнейших колоний в 1913 и 2020 гг.

Метрополия	Крупнейшая колония	ВВП на душу населения, тыс. долл.				Соотношение уровня подушевого ВВП	
		метрополия		колония		метрополии и колонии	метрополии и бывшей колонии
		1913*	2020**	1913*	2020**	1913	2020
Великобритания	Индия	5,0	45,9	0,9	6,5	5,6	7,1
Франция	Алжир	3,2	46,7	0,6	11,3	5,3	4,1
Бельгия	ДР Конго	4,3	52,6	0,6	1,1	7,2	47,8
Нидерланды	Индонезия	3,5	59,3	0,8	12,1	4,4	4,9
Португалия	Ангола	1,3	34,1	0,6	6,4	2,2	5,3

* Международные доллары 1990 г. (Geary–Khamis dollar); ** доллары 2017 г. по ППС. Источник: Бродберри, О’Рурк, 2013. С. 57.

соответственно 7 и почти 48 раз (см. табл. 1). Индия предприняла огромные усилия в плане догоняющего развития, но не сумела сократить отставание от Англии. Китай находился тогда в очень тяжелом экономическом и политическом положении, отчасти по причине доминирования европейских держав в ряде ключевых вопросов (достаточно упомянуть «опиумные войны»).

Разумеется, в развитии Европы ключевую роль сыграл экономический и технологический прогресс (см.: Romeranz, 2000). Но мы полагаем, что колониализм также имеет значение (Григорьев, Морозкина, 2021. Гл. 1), причем вполне реальное. Развивающиеся страны не смогли сформировать инфраструктурную базу, создать эффективные образовательные системы. Пока это удалось лишь упомянутым пяти странам (Япония, Сингапур, Ю. Корея, Гонконг, Тайвань), а также СССР и Китаю, но на основе других социально-экономических и политических институтов.

Траектории Мэддисона и карты Инглхарта и Вельцеля отражают накопленные социально-психологические характеристики за длительные временные отрезки. Но оказывают ли они воздействие на экономический рост в группах стран в современную эпоху? Это вопрос о том, как мы представляем стилизованные факты. Можно утверждать, что страны траектории А уступают остальному миру 0,5 п. п. роста за более чем четверть века (табл. 2). Это не подтверждает тезис об их «вечном превосходстве» над остальным миром по темпам роста. Секрет такого превосходства ведущих стран — в огромном накопленном отрыве от других групп, настолько большом, что даже при относительном превышении темпов прироста многих стран над показателями ведущих экономик его преодолеть не удается.

Т а б л и ц а 2

**Среднегодовые темпы прироста в 1992–2019 гг.
для траекторий Мэддисона и групп Инглхарта (99 стран, в %)**

Траектория Мэддисона	Количество стран	Средний уровень ВВП (межд. долл. 2017 г. по ППС) на душу населения в 2019 г.	Среднегодовой темп прироста	Коэффициент вариации	Число лет для удвоения ВВП на душу населения при данных темпах прироста
А	24	53,6	1,70	0,57	41
Б	142	16,5	2,09	0,90	33
Всего	166				
<i>Группы Инглхарта</i>					
Протестантская Европа	8	57,7	1,52	0,24	47
Англоязычные	6	56,3	2,11	0,53	33
Католическая Европа	12	47,2	2,04	0,57	34
Конфуцианство	6	50,0	3,87	0,68	19
Православная Европа	10	21,4	2,78	0,66	26
Латинская Америка	13	16,3	1,98	0,42	35
Юго-Западная Азия	7	33,5	3,05	0,48	24
Афро-исламская группа	31	9,1	2,59	0,67	27
Всего	93				

Примечание. Для траектории А рассматривается список из 25 стран, согласно Аузану (2015. С. 5, 10), но без Тайваня ввиду отсутствия статистических данных за нужный период.

Источник: рассчитано авторами по данным: World Bank, 2019; World Values Survey, 2022; Maddison, 2006; Аузан, 2015.

Применительно к группам Инглхарта и Вельцеля мы наблюдаем аналогичную ситуацию: Азия, конфуцианцы и православные (отчасти постсоветское пространство) растут быстрее, чем три наиболее развитые группы (протестанты, англоязычные и католики). Латинская Америка и афро-исламская группа (несмотря на несколько богатых нефтеэкспортеров) по-прежнему отстают. Здесь возникает вопрос о поиске современных связей между социопсихологическими факторами, ценностями и установками, с одной стороны, и ресурсными факторами и социально-экономическими институтами (характер собственности, неравенство, модели хозяйства) — с другой. Хотя страны траектории А уступают в рассматриваемом периоде остальному миру, в нем, однако, наблюдается огромная вариация темпов прироста. Временные горизонты сближения при этом выходят за пределы обозримого периода. Через 41 год ВВП на душу населения в 24 странах траектории А составит условно 107 тыс. долл., а в остальных — около 37 тыс. Абсолютная разница заметно возрастет (с 37 тыс. до 70 тыс. долл.), хотя относительная сократится с $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{5}$. Чтобы догнать страны траектории А, остальным надо расти значительно быстрее, за исключением отдельных стран, находящихся в стадии «рывка».

Ахиллес «никогда» не догонит черепаху...

Ведущую группу наиболее развитых стран (траектории А) можно сравнить с большой сытой черепахой в старом греческом парадоксе Зенона. Страны догоняющего развития, как быстроногий Ахиллес, пытаются догнать ее, демонстрируя более высокие темпы роста. Но она отползает, и линейное (абсолютное) расстояние от преследователей увеличивается, а относительное сокращается.

Международные организации пытаются бороться с абсолютной бедностью и до 2020 г. добились в этом определенных успехов. Но относительное неравенство растет, и перспективы выравнивания выглядят туманными. Соображения о пользе «качественных институтов» бесспорны, но не операциональны. Представляется неверной сама формулировка задачи — выбрать правильный набор институтов и предложить всем его реализовать: с точки зрения практической политики недостаточно рассчитывать на конвергенцию стран через несколько лет при благоприятных условиях. Кроме того, отметим медленный прогресс в рамках ЦУР ООН с учетом пандемии и геополитических шоков.

Теории экономического роста во многом связаны с ожидавшимся эффектом Солоу (Григорьев и др., 2022. Гл. 1). Так, Р. Барро показал, что при определенных параметрах тестов 18 развитых стран (из 114 — за период 1960–2000 гг.) уступали менее развитым по темпам роста (Barro, 2003). Он же признал, что не удастся получить устойчивые параметры уравнений, подтверждающих тенденцию к конвергенции (Barro, 2013. Р. 310; Григорьев, Павлюшина, 2018. С. 8). Это поставило под сомнение справедливость теоремы конвергенции: развивающиеся страны растут быстрее наиболее развитых, но «не догоняют»

их. Барро, по сути, признал, что конвергенция в абсолютном смысле не наблюдается. В. Спайзер предложил свою трактовку ситуации: «Достигая высокого уровня демократии и индивидуальных свобод, общества как бы стремятся к некоторому равновесию, которое не поддерживает дальнейший экономический рост» (цит. по: Тамбовцев, 2015. С. 88). Это в целом согласуется с нашими оценками.

Мы предлагаем кластерный подход, в соответствии с которым можно выделить соотношения в темпах роста больших групп стран сходного стартового уровня развития для больших периодов (20–30 лет). Проведенный анализ (Григорьев и др., 2022. Гл. 1) указывает на медленное отдаление кластеров друг от друга (при общем росте). Заметим, что теория институтов и культурных кодов не должна ограничиваться изучением особенностей развития наиболее успешных стран на фоне остальных, нужно рассматривать всю цепочку стран. Накопленный отрыв первого кластера в наше время, как правило, связан с социально-экономическим развитием в XIX в., что относится как к физической инфраструктуре, так и к институтам. При анализе можно опираться на сходные уровни развития больших групп стран, фактические темпы экономического роста на разных этапах, другими словами, на технические параметры, чтобы определить роль институтов и социокультурных факторов.

Система кластеров для стран по среднему уровню ВВП на душу населения была впервые опубликована в: Григорьев, Паршина, 2013. Ранее Норт с соавторами использовали интервалы по уровню ВВП для более детального анализа ситуации в области развития и демократии на 2000 г. (Норт и др., 2011. С. 56. Табл. 1.2).

Наши кластеры иллюстрируют неравенство между странами как динамический процесс (табл. 3). Они наглядно подчеркивают сложность быстрого выравнивания уровней их развития. Заметим, что границы кластеров за 27 лет были сдвинуты вверх на темп прироста мирового ВВП на душу населения (без учета Китая), то есть страны оставались, как правило, в своих кластерах 1992 г., если росли средним мировым темпом за период, но для перехода в более высокие кластеры требовалось значительное опережение (Приложение 1).

За рассматриваемый период значения арифметических средних по кластерам понемногу отдалялись друг от друга, хотя многие страны перемещались вверх по «социально-экономической лестнице». Средние показатели ВВП на душу населения по кластерам в целом отражают удвоение от кластера к кластеру. Рост подушевого выпуска обеспечивает ресурсы для институтов распределения, борьбы с бедностью, решения социальных проблем. Заметим, что пополнение первого кластера привело не к снижению среднедушевого значения ВВП и сокращению разрыва со вторым кластером (41,2 тыс. минус 18,9 тыс. долл.), а к его значительному увеличению (57,2 тыс. минус 28,4 тыс. долл.).

Удвоение ВВП на душу населения (по ППС) — масштабная цель для любой страны (Китай ее достиг), требующая соответствующих институтов, ресурсов, социально-политической стабильности. Обычно на это уходит — с учетом демографического роста — 15–25 лет. В условиях демократического процесса это примерно 4–6 электо-

**Среднее и средневзвешенное значения ВВП на душу населения
по кластерам, 1992 и 2019 гг. (тыс. долл.)**

Номер кластера	Число стран	Среднее значение ВВП на душу населения*	Население, млрд человек	Границы кластеров стран по их среднему ВВП на душу населения*	
				нижняя граница	верхняя граница
1992					
1	29	41,2	0,82	25 001	
2	15	18,9	0,32	15 001	25 000
3	19	11,9	0,44	10 001	15 000
4	29	7,3	0,35	5001	10 000
5	31	3,5	0,68	2301	5000
6	20	1,9	2,42	1301	2300
7	14	1,0	0,18		1300
Всего	157		5,22		
2019					
1	34	57,2	1,06	36 060	
2	20	28,4	0,45	21 636	36 058
3	20	17,1	1,92	14 425	21 635
4	30	11,3	0,98	7213	14 423
5	27	5,2	2,36	3319	7212
6	16	2,5	0,31	1876	3317
7	10	1,4	0,23		1875
Всего	157		7,33		

* В межд. долл. 2017 г. по ППС.

Примечание. Границы кластеров 2019 г. сдвинуты вверх на 44,2% относительно 1992 г. в соответствии с приростом мирового ВВП на душу населения по ППС за вычетом Китая.

Источник: пересчитано авторами по актуализированным данным Всемирного банка на основе: Григорьев и др., 2022. Гл. 1.

ральных циклов. Если мы пытаемся определить роль тех или иных, в частности институциональных, факторов, то важно учитывать две ключевые особенности такого подхода. Во-первых, нужно сравнивать страны с близким уровнем развития (по кластерам): как различаются их темпы роста при учете институциональных факторов? Во-вторых, надо сопоставлять динамику стран в периоды с понятными внешними условиями (между войнами), не пытаясь вывести «единую формулу успеха» в любой период при любом стартовом уровне.

В таблице 4 представлены параметры экономического роста. Во-первых, темпы роста первых двух кластеров по набору стран 1992 г. ниже, чем по набору 2019 г. Эти кластеры численно выросли на 10 стран, преодолевших повышенные барьеры перехода. В частности, в первом кластере появились Словения, Чехия, Израиль, Республика Корея (см. Приложение 1). Не все эти страны инновационные демократии, хотя высокий уровень благосостояния достигнут экспортерами нефти. Примечательно, что в этот кластер вошли четыре бывшие социалистические страны.

Во-вторых, быстрые темпы роста характерны для догоняющих стран, которые находятся, возможно, на индустриальной стадии 3–5-го кластеров. Успешные страны перемещаются вверх быстрее,

**Темпы прироста ВВП на душу населения (по ППС)
в 1992 и 2019 гг. (в %)**

Кластер	Количество стран	Среднегодовой темп прироста	Коэффициент вариации темпов прироста	Число лет для удвоения ВВП на душу населения при данном темпе прироста
1992				
1	29	1,44	0,78	50
2	15	1,74	0,60	41
3	19	2,51	0,53	28
4	29	1,96	0,57	35
5	31	2,30	0,74	30
6	20	2,50	0,97	28
7	14	2,86	1,13	25
Всего	157			
2019				
1	34	1,66	0,73	42
2	20	2,64	0,40	27
3	20	2,79	0,93	25
4	30	2,72	0,62	26
5	27	2,09	0,86	34
6	16	1,49	1,03	47
7	10	0,70	2,32	100
Всего	157			

Источник: рассчитано авторами по данным: World Bank, 2019.

например Китай сумел перейти из шестого кластера в третий. Но это, вероятно, ставит вопрос о совместимости гипотез: теперь «ловушку среднего уровня развития» нужно искать в двух быстрорастущих кластерах (3–4-м).

В-третьих, в 5–7-м кластерах по набору 2019 г. остались менее удачливые страны, несмотря на то что средние уровни ВВП на душу населения выросли. Здесь требуется более детальный институциональный анализ проблем бедности, наличия ресурсов, политической стабильности и характера режимов.

В-четвертых, выделим такой параметр, как сдвиг в коэффициенте вариации при движении от набора 1992 г. к набору 2019 г. Заметно увеличение неоднородности кластеров по темпам прироста за 27 лет. Есть, правда, два исключения: во втором кластере средний темп прироста намного выше — на 0,9 п. п., так что коэффициент вариации снизился в 1,5 раза; в первом темп прироста в 2019 г. ниже на 0,22 п. п. по сравнению с 1992 г., в результате коэффициент вариации несколько снизился. Очевидно, в рассматриваемом периоде многие страны сумели повысить уровень благосостояния темпами, превышающими среднемировые.

Из данных таблиц 2–4 следует, что отсутствует явное преимущество стран первого кластера (или стран траектории А) по средним темпам прироста перед остальными странами за 1992–2019 гг. Предлагаемое «правило большого пальца» по сближению кластеров тривиально: среднегодовой темп прироста среднего уровня ВВП на

душу населения (по ППС) в кластере равен темпу прироста ВВП на душу в первом кластере плюс «номер кластера минус один». Другими словами, если темп прироста первого кластера равен текущему (скажем, 1,7%), то далее темпы прироста по кластерам составят: для второго — 2,7%, для седьмого — 7,7%.

Для выявления роли институтов можно предложить несложный тест: темпы прироста стран анализируются за относительно однородный период (20–30 лет), который может давать единую картину внешних условий и НТП для всех стран (Григорьев, Иващенко, 2010). Исходя из сходного стартового уровня развития и внешних условий стран причины разницы в темпах их роста надо искать внутри кластера (и между ними) (см. табл. 4). Такие различия можно интерпретировать с точки зрения институциональных подходов и специфики социокультурных кодов при прочих «почти равных» условиях.

Возможные предложения

С учетом сложившихся подходов, как нам кажется, многие привыкли к тому, что любой стране, чтобы считаться успешной, необходимо стремиться стать открытым и инновационным постиндустриальным обществом. Но в ходе прикладного анализа возникает немало вопросов к характеристикам ведущих стран (первый—второй кластеры).

Прежде всего это вопрос о социальном неравенстве: по доходам и богатству. Оно ригидно или растет на вершине социальной пирамиды (скажем, верхний 1%), что описывалось в 2013–2019 гг. в рамках традиции (Григорьев и др., 2022. Гл. 14). Повышенное внимание к этой проблеме было вызвано публикацией работы Т. Пикетти (2015). Ригидность неравенства сохраняется даже в странах с социальной ориентацией и большим масштабом перераспределения доходов. Получается, что высокая оценка институтов постиндустриального общества существует сама по себе, а неравенство растет само по себе. Добавим сюда рост нормы самоубийств (Grigoryev, Popovets, 2019) именно в странах с высоким показателем ВВП на душу населения, хотя норма убийств в них падает. Последний пример отражает несовершенство институтов общества, причем не только формальных, но и социальных, культурно-психологических. Важным тестом в этом плане стала пандемия коронавируса в 2020 г.

Отдельная проблема — трансформация (или ее попытки) обществ за относительно короткие исторические периоды, то есть масштабные переходы (институтов) из одного состояния в другое стран, которые в силу исторических обстоятельств оказались не на той ступени развития, чтобы претендовать на «постиндустриальный рай». Для трансформационных процессов (в частности, на постсоциалистическом пространстве) характерно взаимодействие разных факторов — наличия ресурсов, уровня развития, социальной структуры, культурных кодов — на коротком временном периоде и обычно на фоне социально-экономического кризиса, реформирования институтов и усиления неустойчивости политической среды.

Напрашивается несколько простых формул для экономической политики и анализа факторов и успехов развития: измерение поколениями (20–30 лет); внешние потрясения приводят к длительному фактическому росту или тяжелым потрясениям, войнам и кризисам, краху стран (империй), радикальной смене политических режимов. Наконец, воздействие прежних шоков — предположим — стоит рассматривать как обратно пропорциональное квадрату удаления во времени. Для сторонников детерминированности судьбы российских институтов и социокультурных кодов это резко ослабляет роль Батые и Ивана Грозного, но существенно увеличивает влияние потрясений 1990-х годов. Предлагаем некоторые комментарии к краткому изложению социокультурной теории в книге А. Аузана и Е. Никишиной (2021. С. 8).

1. «Существуют экономические явления, которые не удастся объяснить другими факторами, кроме культурных». — Существуют ли повторяющиеся экономические явления, которые мы можем опознать как результат действия культурных факторов?

2. «С точки зрения теории неформальных институтов культура — это ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени». — (2а) «Определенное сообщество», разделяющее упомянутые ценности и установки, — это кто: элиты стран, гражданское общество (образованные слои), основные массы трудящихся (скажем, 1–3-й квинтили)?; (2б) Если в этом пункте скрыта еще и «зависимость от прошлого развития», то необходимо определить механизмы передачи (возможно, социальные) и «износ» фактора прошлого воздействия, замещение его новыми факторами.

3. «Культура влияет на экономическое развитие, но не детерминирует его. Воздействие культуры устойчиво во времени, но связано с другими факторами». — Какова «доля» культуры и как она воздействует (хотя не детерминирует) на социально-экономическое развитие страны; это воздействие устойчиво во времени как «присутствие» в уравнении или как интенсивность?

4. «Культура может тормозить или стимулировать экономическое развитие через структуру и уровень транзакционных издержек. Возникновение прироста вследствие снижения транзакционных издержек позволяет трактовать совокупность социокультурных факторов как социальный и культурный капиталы». — Социальный капитал накапливается и используется политиками в рамках действия экономических институтов или существует сам по себе?

5. «Использование влияния культуры на экономику возможно также и через изменение структуры социального и культурного капитала посредством прежде всего образования». — Нужно определить, что такое «структура» капитала и можно ли ее использовать через образование в случае непрерывных реформ последнего?

Добавим пункт 6: неформальные институты могут быть более эффективными, чем формальные, хотя остается нерешенной проблема измерения. — Неформальные институты часто носят социокультурный характер, они компенсируют недостатки формальных институтов?

В будущем, если рассматривать социокультурный подход как программу исследований (по И. Лакатосу), эти тезисы можно конкретизировать. Дальнейшие исследования должны учитывать стилизованные факты, представленные в нашей работе: а) анализировать роль институтов и социокультурных кодов как важной компоненты институтов; б) учесть «отрыв» развитых стран (траектория А, первый кластер и др.) до Первой мировой войны, в частности в силу колониализма; в) измерять воздействие инерции кодов («мощность колеи») обратно пропорционально времени (по поколениям) как от позитивных, так и от негативных периодов развития; г) упорядочить подходы к анализу стран по периодам и уровням развития (кластерам) для стандартизации условий; д) ввести проблему влияния социокультурных кодов в критические периоды жизни общества, а не только за большие периоды.

Мы полагаем, что изолированные исследования культурных кодов могут представлять большой интерес с точки зрения решения задач в области психологии и культуры. Но человек един как социально-культурное явление. Наш подход, как мы надеемся, позволяет получить дополнительное знание на пересечении социальных и культурных явлений. К тому же исследования социальных аспектов развития общества опираются на конвенциональную статистику и ряд теоретических основ изучения поведения людей.

Список литературы / References

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. [Acemoglu D., Robinson J. A. (2015). *Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty*. Moscow: AST. (In Russian).]
- Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. (2019). Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы. М.: АСТ. [Acemoglu D., Robinson J. A. (2019). *The narrow corridor: States, societies, and the fate of liberty*. Moscow: AST. (In Russian).]
- Астапович А., Григорьев Л. М. (2021). От Великой депрессии к системным реформам // Россия в глобальной политике. Т. 19, № 1. С. 104–119. [Astopovich A., Grigoryev L. M. (2021). From the Great Depression to systemic reforms. *Russia in Global Affairs*, Vol. 19, No. 1, pp. 104–119. (In Russian).] <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-1-104-119>
- Аузан А. А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. № 1. С. 3–17. [Auzan A. A. (2015). Path dependence problem: The evolution of approaches. *Moscow University Economics Bulletin*, No. 1, pp. 3–17. (In Russian).] <https://doi.org/10.38050/01300105201511>
- Аузан А. А., Никишина Е. Н. (2021). Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. [Auzan A. A., Nikishina E. N. (2021). *Socio-cultural economics: How culture affects the economy, and how the economy influences culture*. Moscow: MSU Faculty of Economics. (In Russian).]
- Бродберри С., О'Рурк К. (2013). Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени, Т. 2. М.: Издательство Института Гайдара. [Broadberry S., O'Rourke K. (2013). *The Cambridge economic history of modern Europe*, Vol. 2. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Вебер М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс. [Weber M. (1990). *Protestant ethic and the spirit of capitalism*. Moscow: Progress. (In Russian).]

- Григорьев Л., Иващенко А. (2010). Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. № 10. С. 31–55. [Grigoriev L., Ivashchenko A. (2010). The theory of cycle under the crisis blow. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 31–55. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-10-31-55>
- Григорьев Л. М., Курдин А. А., Макаров И. А. (ред.) (2022). Мировая экономика в период больших потрясений. М.: ИНФРА-М. [Grigoryev L. M., Kurdin A. A., Makarov I. A. (eds.) (2022). *The world economy in a period of great upheavals*. Moscow: INFRA-M. (In Russian).]
- Григорьев Л. М., Морозкина А. К. (2021). Успешная неустойчивая индустриализация мира: 1880–1913. М.; СПб.: Нестор-История. [Grigoryev L. M., Morozkina A. K. (2021). *The successful unsustainable industrialization of the world: 1880–1913*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).]
- Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. (2018). Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. № 7. С. 5–29. [Grigoryev L. M., Pavlyushina V. A. (2018). Inter-country inequality as a dynamic process and the problem of post-industrial development. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 5–29. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-7-5-29>
- Григорьев Л. М., Паршина Е. Н. (2013). Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 гг.: неравномерность роста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. № 4. С. 70–86. [Grigoryev L. M., Parshina E. N. (2013). Economic dynamics across countries in 1992–2010: Growth divergence. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, No. 4, pp. 70–86. (In Russian).]
- Григорьев Л. М., Стародубцева М. Ф. (2021). Ловушки развития: Бразилия в XXI веке // Россия в глобальной политике. Т. 19, № 1. С. 226–242. [Grigoryev L. M., Starodubtseva M. F. (2021). Development traps: Brazil in the 21st century. *Russia in Global Affairs*, Vol. 19, No. 1, pp. 226–242. (In Russian).] <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-1-226-242>
- Зингалес Л., Раджан Р. Г. (2004). Спасение капитализма от капиталистов. Скрытые силы финансовых рынков — создание богатства и расширение возможностей. М.: Институт комплексных стратегических исследований. [Zingales L., Rajan R. G. (2004). *Saving capitalism from the capitalists: Unleashing the power of financial markets to create wealth and spread opportunity*. Moscow: Institute for Complex Strategic Studies. (In Russian).]
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. [Inglehart R., Welzel C. (2011). *Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence*. Moscow: Novoe Izdatelstvo. (In Russian).]
- Истерли В. (2006). Приключения и злоключения экономистов в тропиках. М.: Институт комплексных стратегических исследований. [Easterly W. (2006). *Economists' adventures and misadventures in the tropics*. Moscow: Institute for Complex Strategic Studies. (In Russian).]
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала. [North D. (1997). *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Nachala. (In Russian).]
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара. [North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- ООН (2015). Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября. Нью-Йорк: Генеральная Ассамблея ООН. [UN (2015). *Transforming our world: The 2030 agenda for sustainable development*. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September. New York: UN General Assembly.]
- Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. [Piketty T. (2015) [2014]. *Capital in the 21st century*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).]

- Тамбовцев В. (2015). Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях // Вопросы экономики. № 12. С. 85–106. [Tambovtsev V. (2015). The myth of the “cultural code” in economic research. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 85–106. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-12-85-106>
- Тутов Л. А., Шаститко А. Е. (2021). Метаязык внутридисциплинарного дискурса для научно-исследовательских программ: приглашение к разговору // Вопросы экономики. № 4. С. 96–115. [Tutov L. A., Shastitko A. E. (2021). Metalanguage within disciplinary discourse for scientific research programs: Invitation to a debate. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 96–115. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-4-96-115>
- Шаститко А. Е. (2020a). Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы») // Вопросы экономики. № 1. С. 145–156. [Shastitko A. E. (2020a). Between the Scylla of despotism and the Charybdis of social norms (On the book by D. Acemoglu and J. Robinson “The narrow corridor: States, societies and the fate of freedom”). *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 145–156. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-145-156>
- Шаститко А. Е. (2020b). Выбор социализированных индивидов: операциональность (не) против реалистичности // Общественные науки и современность. № 4. С. 127–137. [Shastitko A. E. (2020b). Choice of socialized individuals: Operability (not) against reality. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost*, No. 4, pp. 127–137. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S086904990010796-7>
- Шаститко А. Е. (2022). Несовершенные институты и реформы (О книге Трауинна Эггертссона «Несовершенные институты. Возможности и границы реформ») // Вопросы экономики. № 2. С. 147–157. [Shastitko A. E. (2022). Imperfect institutions and reform (On the book by Trauinn Eggertsson “Imperfect institutions. Possibilities and limits of reform”). *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 147–157. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-2-147-157>
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2005). Institutions as a fundamental cause of long-run growth. In: P. Aghion, S. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*, Vol. 1A. Amsterdam: Elsevier, pp. 386–472. [https://doi.org/10.1016/S1574-0684\(05\)01006-3](https://doi.org/10.1016/S1574-0684(05)01006-3)
- Arthur W. B. (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *Economic Journal*, Vol. 99, No. 394, pp. 116–131. <https://doi.org/10.2307/2234208>
- Barro R. J. (2003). *Economic growth: Second ed.* Cambridge: MIT Press.
- Barro R. J. (2013). Health and economic growth. *Annals of Economics and Finance*, Vol. 14, No. 2, pp. 329–366.
- Felipe J., Kumar U., Galope R. (2017). Middle-income transitions: Trap or myth? *Journal of Asia Pacific Economy*, Vol. 22, No. 3, pp. 429–453. <https://doi.org/10.108/13547860.2016.1270253>
- Grigoryev L., Popovets L. (2019). Sociology of individual tragedies. Homicides and suicides: Cross-country cluster analysis. *Russian Journal of Economics*, Vol. 5, No. 3, pp. 251–276. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.47348>
- Maddison A. (2006). *The world economy*. Vol. 1: *A millennial perspective*; Vol. 2: *Historical statistics*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264022621-en>
- North D. C., Weingast B. R. (1989). Constitutions and commitment: The evolution of institutions governing public choice in seventeenth-century England. *Journal of Economic History*, Vol. 49, No. 4, pp. 803–832. <https://doi.org/10.1017/S0022050700009451>
- Pomeranz K. (2000). *The Great Divergence: China, Europe, and the making of the modern world economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Solow R. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 70, No. 1, pp. 65–94. <https://doi.org/10.2307/1884513>
- World Bank (2019). *World development indicators*. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>
- World Values Survey (2022). The Inglehart–Welzel world cultural map. *World Values Survey: Round Seven*. <http://www.worldvaluessurvey.org/>

Приложение 1

Список стран по кластерам в 1992 и 2019 гг.

1992 г.	2019 г.	1992 г.	2019 г.
Кластер 1		Кластер 3	
Австралия	Австралия	Барбадос	Азербайджан
Австрия	Австрия	Болгария	Барбадос
Багамские о-ва	Багамские о-ва	Бразилия	Белоруссия
Бельгия	Бельгия	Казахстан	Ботсвана
Бруней	Бруней	Коста-Рика	Бразилия
Великобритания	Великобритания	Ливан	Габон
Германия	Германия	Малайзия	Гренада
Гонконг	Гонконг	Панама	Грузия
Дания	Дания	Польша	Доминиканская Респ.
Ирландия	Израиль	Румыния	Китай
Исландия	Ирландия	Сант-Люсия	Колумбия
Испания	Исландия	Словакия	Коста-Рика
Италия	Испания	Суринам	Ливан
Канада	Италия	Тринидад и Тобаго	Македония, БЮР
Кипр	Канада	Турция	Мексика
Люксембург	Кипр	Украина	Сант-Люсия
Макао, САР	Люксембург	Уругвай	Суринам
Нидерланды	Макао, САР	Чили	Таиланд
Новая Зеландия	Мальта	Южная Корея	Уругвай
Норвегия	Нидерланды		Э. Гвинея
ОАЭ	Новая Зеландия	Кластер 4	
Саудовская Аравия	Норвегия	Азербайджан	Албания
Сингапур	ОАЭ	Алжир	Алжир
США	Саудовская Аравия	Ангола	Армения
Финляндия	Сингапур	Белоруссия	Боливия
Франция	Словения	Белиз	Бутан
Швейцария	США	Ботсвана	Вьетнам
Швеция	Финляндия	Гайана	Гайана
Япония	Франция	Гватемала	Гватемала
	Чехия	Гренада	Доминика
	Швейцария	Доминиканская Респ.	Египет
	Швеция	Доминика	Индонезия
	Южная Корея	Египет	Иордания
	Япония	Иордания	Ирак
Кластер 2		Иран	Иран
Антигуа и Барбуда	Антигуа и Барбуда	Колумбия	Лаосская НДР
Аргентина	Аргентина	Конго, Респ.	Марокко
Венгрия	Болгария	Маврикий	Монголия
Габон	Венгрия	Македония, БЮР	Намибия
Греция	Греция	Намибия	Парагвай
Израиль	Казахстан	Парагвай	Перу
Мальта	Маврикий	Перу	Сальвадор
Мексика	Малайзия	Сальвадор	Свазиленд
Португалия	Панама	Свазиленд	Сент-Винсент и Гренадины
Пуэрто-Рико	Польша	Сент-Винсент и Гренадины	Тунис
Россия	Португалия	Таиланд	Украина
Сейшелы	Пуэрто-Рико	Тунис	Фиджи
Сент-Китс и Невис	Россия	Фиджи	Филиппины
Словения	Румыния	Эквадор	Шри-Ланка
Чехия	Сейшельские о-ва	Ямайка	Эквадор
	Сент-Китс и Невис		Ямайка
	Словакия		
	Тринидад и Тобаго		
	Турция		
	Чили		

Окончание Приложения 1

1992 г.		2019 г.		1992 г.		2019 г.	
Кластер 5				Кластер 6			
Албания	Ангولا	Бангладеш	Бенин	Бангладеш	Бенин	Буркина-Фасо	
Армения	Бангладеш	Белиз	Вьетнам	Вьетнам	Вануату	Вануату	
Берег Слоновой Кости	Берег Слоновой Кости	Гамбия	Гвинея	Гамбия	Гвинея	Гвинея	
Боливия	Гана	Гвинея-Бисау	Замбия	Замбия	Зимбабве	Зимбабве	
Бутан	Гондурас	Индия	Индия	Индия	Кирибати	Кирибати	
Вануату	Замбия	Кабо-Верде	Кабо-Верде	Кабо-Верде	Коморские о-ва	Коморские о-ва	
Гана	Индия	Кирибати	Кирибати	Кирибати	Лесото	Лесото	
Гондурас	Кения	Китай	Китай	Китай	Мали	Мали	
Грузия	Конго, Респ.	Конго, Дем. Респ.	Конго, Дем. Респ.	Конго, Дем. Респ.	Руанда	Руанда	
Зимбабве	Киргизская Респ.	Лаосская НДР	Лаосская НДР	Лаосская НДР	Соломоновы о-ва	Соломоновы о-ва	
Индонезия	Мавритания	Лесото	Лесото	Лесото	Танзания	Танзания	
Ирак	Мьянма	Мадагаскар	Мадагаскар	Мадагаскар	Уганда	Уганда	
Камерун	Непал	Мали	Мали	Мали	Эфиопия	Эфиопия	
Кения	Нигерия	Непал	Непал	Непал			
Коморские о-ва	Никарагуа	Сенегал	Сенегал	Сенегал			
Киргизская Респ.	Пакистан	Судан	Судан	Судан			
Мавритания	Папуа Новая Гвинея	Танзания	Танзания	Танзания			
Марокко	Самоа	Танзания	Танзания	Танзания			
Монголия	Сенегал	Танзания	Танзания	Танзания			
Нигерия	Судан	Танзания	Танзания	Танзания			
Никарагуа	Таджикистан	Танзания	Танзания	Танзания			
Пакистан	Тонга	Танзания	Танзания	Танзания			
Папуа Новая Гвинея	Тувалу	Танзания	Танзания	Танзания			
Самоа	Узбекистан	Танзания	Танзания	Танзания			
Соломоновы о-ва		Танзания	Танзания	Танзания			
Таджикистан		Танзания	Танзания	Танзания			
Тонга		Танзания	Танзания	Танзания			
Тувалу		Танзания	Танзания	Танзания			
Узбекистан		Танзания	Танзания	Танзания			
Филиппины		Танзания	Танзания	Танзания			
Шри-Ланка		Танзания	Танзания	Танзания			
				Кластер 7			
				Буркина-Фасо	Бурунди	Бурунди	
				Бурунди	Конго, Дем. Респ.	Конго, Дем. Респ.	
				Малави	Мадагаскар	Мадагаскар	
				Мозамбик	Малави	Малави	
				Мьянма	Мозамбик	Мозамбик	
				Нигер	Нигер	Нигер	
				Руанда	Сьерра-Леоне	Сьерра-Леоне	
				Сьерра-Леоне	Того	Того	
				Того	ЦАР	ЦАР	
				Уганда	Чад	Чад	
				ЦАР			
				Чад			
				Э. Гвинея			
				Эфиопия			

Источник: Григорьев и др., 2022. Гл. 1.

Приложение 2

Список стран траектории А

Траектория А, согласно Аузану на основе работы Мэддисона, 1820–2008 гг.		Траектория А, согласно Мэддисону, 1820–1998 гг.	
Австралия	Норвегия	Австралия	Канада
Австрия	Португалия	Австрия	Нидерланды
Бельгия	США	Бельгия	Новая Зеландия
Великобритания	Финляндия	Великобритания	Норвегия
Германия	Франция	Германия	Португалия
Греция	Швейцария	Греция	США
Дания	Швеция	Дания	Финляндия
Ирландия	Япония	Ирландия	Франция
Испания	Тайвань	Испания	Швейцария
Италия	Гонконг	Италия	Швеция
Канада	Южная Корея		Япония
Нидерланды	Сингапур		
Новая Зеландия			

Источники: Maddison, 2006. P. 29, 30; Аузан, 2015. С. 5, 7, 10.

**Growth theories: The realities of the last decades
(Issues of sociocultural codes — to the expansion of
the research program)**

Leonid M. Grigoryev*, Maria-Yana Y. Maykhrovitch

Authors affiliation: HSE University (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: lgrigor1@yandex.ru

This article is aimed at examining institutional approaches to the theories of economic growth, and touches upon especially the influence of sociocultural codes on the development of the world economy. The presented study compares the rates of economic growth, taking into account various classifications of countries according to Angus Maddison, Ronald Inglehart, and the cluster approach. One of the main results is a proposal to move from the dichotomy and study of “advanced—emerging states” over long time periods, used in Maddison’s research, to the study of subgroups of countries, including cluster analysis, over a more compact period — 1992–2019. With the help of clustering, it was concluded that the group of the most developed countries retains an advantage in the level of development but does not demonstrate growth rates higher than the “catching up” groups. Thus, the convergence of levels of development does not actually occur. The article also illustrates that a disaggregated analysis of growth by clusters creates interesting opportunities for a further development of the research program.

Keywords: economic growth, sociocultural codes, Inglehart, Welzel.

JEL: A13, C43, E14, F63.